

DOI 10.15393/j9.art.2017.4161

УДК 821.161.1.09“18”

Владимир Дмитриевич Денисов*Российский государственный гидрометеорологический университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

vladdenisoff@mail.ru

ГОГОЛЕВСКИЙ ИМЕНОСЛОВ: О ФОРМЕ И СЕМАНТИКЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ПОВЕСТЯХ «МИРГОРОДА»^{*1}

Аннотация. В статье дана характеристика антропонимов из четырех гоголевских повестей цикла «Миргород» (1835). Она обоснована толкованием распространенных славянских христианских имен в их украинском и русском вариантах (по словарям и списку «Имен, даемых при Крещении» в записной «Книге всякой всячины» юного Гоголя). Исследование позволяет сделать вывод о том, что система мужских и женских имен в каждой повести отражала взгляды автора на характеры и типы своих героев, на их общество и эпоху, а также на их связи с библейским, античным и средневековым временем, с окружающей природой. Называя персонаж тем или иным именем, автор учитывал фонетическую и семантическую структуру антропонима, его прямое и коннотативное значения (и противоречия между ними), его смысловые связи, распространенность, принадлежность определенному сословию и/или человеческому типу, историческому или мифологическому герою.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, «Миргород», христианский именослов, антропоним

Осмысление Н. В. Гоголем истории в цикле повестей, вообравшем его впечатления от родного края, размышления о судьбах Малороссии, семейные предания, было принципиально для автора-украинца. Заглавие «Миргород» и подзаголовок «Повести, служащие продолжением “Вечеров на хуторе близ Диканьки”»² называли город и село на Полтавщине. Сам Гоголь провел детские и юношеские годы в родовом имении Васильевка (ныне с. Гоголево Шишацкого района), находящемся между Миргородом и селом Диканька. Дорога оттуда на Диканьку и Полтаву шла «вглубь» Украины, а дорога на Миргород обозначала направление на северо-запад, в Россию.

Уездный город Миргород был основан в XI веке, когда великий князь Владимир строил на восточных границах с Дикой Степью цепь укреплений для защиты Киевской Руси. Такие охранные поселения также использовали для торговых сделок и встреч враждующих сторон, поэтому одну из крепостей называли Миргородок. Позднее, вопреки «мирному» названию, здесь стали делать порох и возник полковой город — там поляки формировали из козаков один из самых больших и боевых полков. За участие в народных восстаниях он был расформирован поляками, но в начале освободительной войны 1649–1654 гг. возродился и прославился в сражениях. Именно в Миргороде Богдан Хмельницкий начинал переговоры о воссоединении Украины с Россией.

Название цикла и его подзаголовки образуют *противоречивое единство*: Миргород как искусственное порождение агрессивной цивилизации есть продолжение хутора — естественного уединенного мирного поселения на природе, характерного тогда для Малороссии. Диканькой, как называлось родовое поместье Кочубеев, считали некое «дикое место», возможное обиталище «диконьких мужичков» — духов подобного места, вроде «полевого или лесного <...> оберегателя кладов»³. Заглавие «Миргород» противопоставлено «Вечерам на хуторе близ Диканьки» и в символическом плане. Подразумевался главный труд Августина Аврелия «О Граде Божьем» (412–426), где автор сделал попытку осмыслить всемирно-исторический процесс, обусловив развитие человечества планами и намерениями Бога (Промыслом Божиим), и выдвинул концепцию морального (духовного) прогресса и линейного регресса в истории. Духовный прогресс начинается с грехопадения Адама и рассматривается как дальнейшее поступательное движение Человека к нравственному совершенству, обретаемому через Благодать. В историческом процессе Августин, основываясь на библейской истории, выделяет 6 эпох: от грехопадения Адама до Страшного Суда, — причем последняя эпоха началась Рождеством Христовым и завершится концом Истории. Ее развитие обусловлено борьбой двух миров (городов): «града земного» — светского государства, дьявольского царства зла и греха (его воплощал Рим) и «Града Небесного» —

христианской Церкви как Государства Божьего. Два мира / города «созданы двумя родами любви: земной — любовью к себе, дошедшею до презрения к Богу; небесный — любовью к Богу, дошедшей до презрения к себе»⁴. То есть власть духовная, основанная на Вере и любви к ближнему, укрепляет «Град Божий», а «земные грады» обречены на болезни, войны и гибель.

Каким же «градом» предстает Миргород? Об этом рассказывает повесть про ссору двух его жителей («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»), написанная первой (в 1833 году) и во многом определившая проблематику цикла. В этой и других повестях Гоголя деградация общества представлена в обратной перспективе литературных направлений и жанров: от сентиментальной «природной» идиллии к «городской» сатире. Здесь «земным градом» предстает не только Миргородчина, но и весь «мир» украинской столицы и провинции, где в основном происходит действие, и упомянутый в первой повести Петербург, куда устремляются из Малороссии меркантильные потомки козаков.

Герои «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» показаны такими же меркантильными. Характеризуя их, автор избрал имена и отчества со значениями, известными образованным читателям. Славянское имя *Иван* (от др.-евр. Иоанн — «милость Божья») было тогда самым распространенным во всех российских сословиях и служило обозначением обычного, «среднего» человека. То есть, один из героев — Иван Иванович — в значительной степени зауряден, «усреднен». Тем же качеством наделен и его сосед Иван Никифорович, чье отчество добавляет к имени значение «народности» (Никифор — от др.-греч. Νικηφόρος — «свет народа»). Сближает тезок-соседей и то, что сожительница Ивана Никифоровича — благородная *Агафия Федосеевна* — оказывается тезкой украинской девки *Гапки*, живущей с Иваном Ивановичем: имя «Га́па, Га́пка, Гапу́ся — Агафия»⁵ имеет значение «хорошая, мудрая» (др.-греч. ἀγαθός). Причем отчество Агафии Федосеевны, представляющее собой патроним от «Федосий» (Феодосий — др.-греч. Θεός+δόςιος — «Богом данный»), как бы намекает на то, что она самой судьбой

предназначена своему сожителю, несмотря на некоторое его сопротивление. Однако при этом заранее сообщено, что эта достойная мудрая женщина — «та самая, что откусила ухо у заседателя»⁶.

В Миргороде трусливый приживальщик, утративший все свое имение, носит «боевое» имя — *Антон* (церк. Антоний из лат. *Antonius* — возможно, от др.-греч. *antaō* — «вступающий в бой, состязающийся в силе»; вспомним знаменитого древнеримского полководца Марка Антония!) и отчество *Прокофьевич* — патроним от Прокофий (Прокопий — др.-греч. *Προκόπιος* — «опережающий, устанавливающий»). Вместе с тем покровитель этого имени — Прокопий Кесарийский — считался истинным аскетом: раздав свое имение нуждающимся, он сам скитался и нищенствовал. И Антон Прокофьевич, по словам автора, тоже «не имеет своего дома» и терпит издевательства:

У него был прежде <дом>, на конце города, но он его продал и на вырученные деньги купил тройку гнедых лошадей и небольшую бричку, в которой разъезжал гостить по помещикам. Но так как с ними много было хлопот и притом нужны были деньги на овес, то Антон Прокофьевич их променял на скрипку и дворовую девку, взявши придачи двадцатипятирублевую бумажку. Потом скрипку Антон Прокофьевич продал, а девку променял за кисет сафьянный с золотом. И теперь у него кисет такой, какого ни у кого нет. За это наслаждение он уже не может разъезжать по деревням, а должен оставаться в городе и ночевать в разных домах, особенно тех дворян, которые находили удовольствие щелкать его по носу (266).

У его благородных обидчиков, составлявших миргородское общество, — христианские имена, в большинстве своем — греческие, да еще, как правило, с однокоренными патронимами, как бы усиливающими значение имен, хотя их носители своей явной бездуховностью противоречат прекрасному прямому и опосредованному значениям имени. Так, явный бездельник судья *Демьян Демьянович* (Дамиан — от др.-греч. *Δαμασκ* — «покорять, усмирять») даже именем своим призван оказывать могучее покоряющее и усмиряющее

действие, а ничтожный и увечный городничий *Петр Федорович* — полный тезка «последнего Петра», покойного императора Петра III. На «ассамблее» у него присутствуют «Тарас Тарасович, Евпл Акинфович, Евтихий Евтихиевич, Иван Иванович <...> Савва Гаврилович, наш Иван Иванович, Елевферий Елевфериевич, Макар Назарьевич, Фома Григорьевич <...> А сколько было дам!» (264). Украинское имя *Тарас* (от др.-греч. ταρασσο — «волновать, возбуждать, тревожить») имеет значение «бунтовщик, мятежник», а усиление его одноименным патронимом угрожает спокойствию в обществе. Редкое крестильное имя *Евпл* произошло от др.-греч. *eu* — «хорошо», *pleo* — «плыть»; *Акинфович* — патроним от Акинфий (др.-греч. «яхонтовый» со значением «драгоценный»). *Евтихий* (Εὐτυχής) — др.-греч. «счастливый, успешный». *Савва* — др.-греч. «родившийся в субботу»; *Гаврилович* — патроним от Гавриил (др.-евр. «божественный воин»). *Елевферий* (ἑλευθερος) — др.-греч. «свободный». *Макар* — от Макарий (др.-греч. «блаженный, счастливый»); *Назарьевич* — патроним от Назар / Назарий (др.-евр. «посвященный Богу»). *Фома* (др.-евр. «близнец») было именем апостола, а *Григорьевич* — патроним от Григория (др.-греч. γρηγορέω — «бодрствующий, энергичный») — обычного имени пастырей: и монахов, и многих пап. Недаром это имя-отчество носит дьячок-рассказчик в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

На наш взгляд, такой ключ дает возможность истолкования имени Вий из одноименной повести, которое было и остается предметом ученых споров (см. об этом: [3, 86–92]; [4]). Но надо отметить, что исследователи зачастую недооценивают приемы имитации «создания простонародным воображением <...> народного предания» (175), свойственные романтическому повествованию на фольклорной основе, которое подразумевает и фантастику, и актуальные христианские реминисценции. Для первых читателей имя Вий в заголовке повести не было известно, как и его связь с демоническими «гномами», не свойственными восточнославянскому фольклору, поэтому нужно было понять смысл данного корня. Ближайшими родственными словами являются *вить* и *виться*, относящиеся, как можно догадаться, к змею-дьяволу, и эта основная черта

Вия определяла проблематику повести для внимательного читателя, а появление ведьмы и перенесение действия в церковь лишь укрепляло его уверенность. Но в финале загадочным Виём оказывается «какой-то образ человеческий исполинского роста» (584) — то есть не сам дьявол, а его человеческое воплощение — возможно, предатель Иуда [3, 102–104]. Выросший в земле мертвец остается человеком, и потому он, в отличие от чудовищ, *видит* Хому⁷. Вместе с тем его «железное лицо» и «железная рука» создают «образ» католического рыцаря по имени Вий, созвучному с Пий, — именем многих католических пап. Последний к тому времени папа Пий VIII (граф Кастилоне) в 1829 году взшел на престол, будучи немощным стариком; его смерть в ноябре 1830 года породила различные слухи, даже подозрение, что его отравили. Видимо, для Гоголя эти экстраординарные события были связаны с началом Польского восстания 1830–1831 гг., следствием которого стали антикатолические и полонофобские взгляды в обществе, отчетливо представленные и в «Миргороде».

Ту же характеризующую роль в повести играют имена бурсаков, начиная с главного героя, философа Хома Брута. Украинская форма имени *Фома* может ассоциироваться с *homo* (лат. «человек») или со значениями, указанными в словаре Даля: «*Фома*, 1) отъ Апостола, челоувѣкъ недовѣряющій, склонный къ сомнѣнію. Фома невѣрный. 2) Челоувѣкъ простоватый, плохой, вялый»⁸. Брут — лат. «простак»; из истории наиболее известен Брут Марк Юний (85–42 до н. э.), он в 44 году до н. э. вместе с Кассием возглавил заговор против Цезаря, которого считали его отцом, и, по легенде, одним из первых нанес ему удар кинжалом; потом имя Брут стало нарицательным для предателя. Впрочем, у Хома Брута оно может быть и паронимично укр. *бруд* — «грязь» [7, 173]. Эти негативные коннотации реализуются при описании поведения и действий героя; кроме того, имя Фома (др.-евр. «близнец») позволяет предположить, что загадочная связь героя и ведьмы-панночки объясняется их «близнецеством», отцом же является сотник [6, 394–395].

Имя приятеля Хома — богослова *Халявы* — произошло от слова, имеющего, в числе прочих, следующие значения: 1) «сапожное голенище; 2) *Бран*. об. неряха, растрепан, неопрят-

ный; 3) вялый, сонный, лѣнливый и дрянной»⁹. Примечательно, что он стал «звонарем самой высокой колокольни» в Киевской лавре (т. е. созывал верующих к молитве, подавал им весть о Боге и служении), но не прекратил пьянствовать и воровать: «...пошатываясь на обе стороны, пошел спрятаться в <...> бурьяне. Причем не позабыл, по прежней привычке своей, утащить старую подошву от сапога, валявшуюся на лавке» (218).

Самый младший из бурсаков — «ритор Тиберий Горобець». Его имя происходит от названия р. Тибр в Риме, это имя и пламенного трибуна Тиберия Гракха (162–133 до н. э.), и тирана Тиберия Клавдия Нерона (42 до н. э. — 37 н. э.), римского императора с 14 года н. э. И во всех случаях сочетание этого имени ритора (оратора) с прозвищем *Горобець* — укр. «воробей» — комично и противоречиво, оно означает, как у Хомы Брута, приметку обитателей дьявольского «земного града», обреченного Богом на разрушение.

Однако приведенные в повести украинские просторечные имена козаков в большинстве своем греческие: *Явтух* — *Евтух* (Евтихий; от др.-греч. Εὐτυχής — «счастливый, успешный»), *Спирид*, разг. *Свирид* — *Спиридон* (возможно, от др.-греч. Σπυρίδων — «дар души»), *Дорош* — от *Дорофей* (др.-греч. Δωρόθεος — «дар Божий»), *Микита* — от *Никита* (др.-греч. Νικήτας — «победитель»). Лишь имя *Оверко*, возможно, восходит к латинскому *Аверкий* (от лат. *averto* — «обращать в бегство»).

Исторические антропонимы также указывают на черты «земного града». Так, в вертепе один из бурсаков играет «Иродиаду или Пентефрию, супругу египетского царедворца» (179). Иродиада, внучка Ирода Великого, вышла замуж за своего дядю Ирода Филиппа, а потом вступила в новую кровосмесительную связь с другим дядей — Иродом Антипой, правителем Галилеи и Переи. Иоанн Креститель обличал это прелюбодеяние, за что Антипа «взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу <...>. И хотел убить его, но боялся народа <...>. Во время же празднования дня рождения Ирода, дочь Иродиады плясала пред собранием и угодила Ироду, посему он с клятвою обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна

Крестителя. И опечалился царь, но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей, и послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей» (Мф. 14:3–11). Безымянная жена начальника стражи фараона (Пентефрий не имя, а коптский титул — «преданный фараону») искушала целомудренного Иосифа, а когда тот бежал от нее, публично обвинила его в домогательствах (Быт. 39:7–20), — и потому женой Пентефрия назвали женщину, охотно прелюбодействующую. Введенная этими именами тема женского коварства, соблазна и унижения [7, 175], даже уничтожения мужчин, «управления» ими и мести им находит свое отражение в поведении ведьмы, пристающей к Хоме, скачущей на нем с демонстрацией своей власти в «бесплодной» имитации коитуса (см. об этом: [1, 23–24]), в устрашающих поисках ею Хомы в церкви, а также в проявлениях «власти женщин» — очевидно, дьявольской! — в повести о двух Иванях.

Мужской, маскулинный мир показан в повести «Тарас Бульба». Украинское имя главного героя, как уже было отмечено, означает «бунтовщик, мятежник» и напоминает о гетмане Тарасе Федоровиче (Трясыло), под чьим руководством в 1630 году была одержана победа над поляками в ночном сражении, оставшемся в памяти народа как «Тарасова ночь». Имя этого легендарного гетмана и прозвище другого исторического героя Гоголь дал персонажу своих ранних исторических набросков Тарасу Остранице (см. об этом: [6, 305–306]), а в повести соединил имя бунтовщика Тараса с прозвищем-фамилией Бульба. В украинском и польском языках XVI–XVII вв. слово *бульба* (от лат. *Vulbus* или нем. *Volle* — «клубень, луковица») ¹⁰ — с коннотациями «круглый, плотный, земляной-земной» — обозначало не картофель, вошедший в обиход с XVIII века, а земляную грушу. Это Гоголь, несомненно, знал (в черновике прозвище Кульбаба — укр. «одуванчик» — грубее, но отчетливее соединяло земляное, земное и женское). Итак, семантика и генезис имени-прозвища героя соответствовали происхождению и развитию его молодого народа, соединявшего мужское и женское, западное и восточное

начала, народа, тогда еще близкого к земле и потому искренне, по природе своей, религиозного.

Кроме Бульбы и его сыновей, в повести именем и фамилией (прозвищем) наделены лишь два исторически достоверных персонажа: гетман *Николай Потоцкий* и воевода *Адам Кисель* — дворяне, войсковые начальники; упоминания о них имеют и хронологическую функцию. Коронный гетман Николай Потоцкий руководил с 1646 года подавлением козацко-крестьянских восстаний на Украине. Кисель Адам Григорьевич (предположительно: 1580–1653) происходил из старинного шляхетского рода, был последним православным сенатором Речи Посполитой и воеводой Киева в 1649–1652 гг.; представлял интересы польского правительства во время козацких восстаний 1630-х гг., и затем, во времена Хмельниччины, на него возложили переговоры с восставшими о примирении. Им остались недовольны обе стороны — и казаки, и поляки; «первые смотрѣли на него, какъ на измѣнника, вторые подозрѣвали его въ тайномъ попустительствѣ» козакам¹¹, и он в 1652 году бежал в Польшу.

Вероятно, повесть о Бульбе и сыновьях его Остапе (Евстафии) и Андрии в какой-то мере основана на житии великомученика Евстафия: его обычно изображали римским воином или средневековым рыцарем, держащим на руках двух сыновей. Пафос жития — в неколебимой вере, подвергнутой Богом испытаниям, как у Иова. Обращение в христианство Плакиды, знаменитого воеводы царя Траяна, произошло на охоте, когда он увидел белого оленя, между рогов которого сиял образ Спасителя, и услышал Его глас. Крестившись под именем Евстафий (от лат. *Eustathius* — «устойчивый, постоянный») и окрестив семью, неопит вновь услышал голос свыше, предрекавший ему страдания за веру. После того как мор поразил слуг его и многих домочадцев, Евстафий решил отказаться от высокого положения и всего нажитого: они с женой и детьми оделись просто, покинули имение, не взяв ничего, кроме необходимого, и стали пробираться, подобно Святому Семейству, в Египет. Испытанием для них стала долгая разлука. Сначала хозяин корабля, на котором они плыли, похитил жену, соблазнившись ее красотой, затем при переправе через реку отец

потерял обоих сыновей. Скорбя о жене и детях, Евстафий долго жил в безвестности, пока, по приказу Траяна, его не нашли и не призвали для спасения Рима от варваров. Во время этого похода жена и дети, по Божьему Промыслу оставшиеся невредимыми, оказались в его войске. Сыновья-воины и мать узнали друг друга, а потом вместе пришли к отцу-воеводе. После победы Евстафий отказался совершать благодарственные языческие обряды, и за это его со всей семьей, по велению нового царя-язычника Адриана, сожгли в медном быке (118 г.). Таким образом, можно заметить, как представленные в житии мотивы воинской службы отца и двух его сыновей, испытания его веры, потери сыновей Гоголь перенес в свою повесть, сделав главный упор на религиозном противостоянии и мученической смерти за веру: «...гетман, зажаренный в медном быке, лежит еще в Варшаве» (309), — на возмездии врагам и предателям, на силе материнской и отцовской любви.

Естественные козацкие черты Бульбы рано проявляются в устойчивом, по значению имени, характере *Остапа (Евстафия)*: упрямство, «твердость», «прямодушие»; он «считался всегда одним из лучших товарищей <...> и никогда, ни в каком случае не выдавал своих товарищей <...> суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки <...>» (291–292), — то есть готов героически противостоять миру. Прощедший ту же школу *Андрій* — герой «от природы» (др.-греч. *andreios* — «мужественный, храбрый» от *andros* — «мужчина, муж»), но отличается от брата и отца живыми, развитыми чувствами — быть может, потому что его больше любила мать, — и в своем отношении к миру «неустойчив», скорее принимая его, чем отвергая. Он «учился охотнее и без напряжения <...> был более изобретатель <...> чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда, с помощью изобретательного ума своего, умел увертываться от наказания <...>»; и хотя тоже, как Остап и другие бурсаки, «кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо <...>. Он тщательно скрывал <...> эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви,

не отведав битвы» (292). Поиски компромисса между чувствами и долгом, готовностью противостоять миру и способностью принять чуждое отделяют его от брата и сверстников (им неведомо такое противоречие!) и предвещают беду.

В природном «контексте Степи» символическое значение обретает и Бульба с двумя сыновьями, и поездка их в «школу» христианского братства Сечи в пространстве Причерноморья, где, по православному преданию, проповедовал «скифам» апостол Андрей Первозванный, и численность всего отряда — 13 человек. Евангельские аллюзии придают героям некое сходство с апостолами — провозвестниками и ревнителями Веры (а среди них изменник Иуда), — и позволяют заранее усомниться в прочности семейного союза, который разрушит, по воле судьбы, именно тезка апостола, обольщенный прелестями полячки. Причем «в основу этой сюжетной линии Гоголь положил библейскую историю о Иудифи, прельстившей и погубившей <...> вражеского военачальника Олоферна — и спасшей этим осажденный город от гибели» [2, 432].

Сам же Бульба в Запорожье «встретил множество знакомых» (300) и вспомнил с ними о других козаках. Но все конкретные портреты «подменили» типичные запорожские прозвища (Печерица, Козолуп, Долото, Застежка, Ремень, Бородавка, Колопер, Пидсыток), которые из-за грубых «физических» ассоциаций расходятся с «духовным» именем Тараса. Так, *Печерица* — укр. «гриб, шампиньон»; перенос. — о каком-то низком и толстом пожилом человеке; *Долото* — ср. прозвище *Долбешка* в черновой ред.; *Колопер* (от слав. коло — «круг, колесо») — носящийся (движущийся) по кругу; перенос. — вероятно, о непоседливом, не могущем устоять на месте; *Пидсыток* — укр. «редкое, негустое сито» (см. об этом: [2, 632]); перенос. — скорее всего, о рябом; *Козолуп* — возможно, тот, кто обдирает козы шкуры, или бьет (лупит) коз, или занимается скотоложством. — Ср. обвинения св. Петра тем, кто «по воле языческой» предавался «нечистотам, похотям (мужеложству, скотоложству, помыслам), пьянству, излишеству в пище и питии...» (1 Пет. 4:3). — Видимо, не случайно в этом ряду оказалось имя *Касьян* (лат. «пустой»): так звали профессиональных косарей, но,

в понимании народа, имя принадлежало «неправедному», «немилостивому» святому, в чей день — 29 февраля високосного года — старались не выходить из дома. Имя же *Бородав-ка* (*Бродавка*) историческое: его носил один из гетманов. Однако в разговоре Бульбы с козаками имена *всех*, кто жив и кто погиб, становятся *равны*, ибо «витязи» Сечи — как «тесный круг школьных товарищей. <...> Разница та, что вместо насильной воли, соединившей их в школе, они сами собою кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов своих», оставив все ради христианского долга, Отчизны, товарищества, — и очень важно, что «даже в предместье Сечи не смела показаться ни одна женщина» (302–303). И *других* защитников христианства, кроме безудержных в бою и гульбе свирепых степных «хищников», образовавших эту «странную республику» Сечи, у Восточной (да, пожалуй, и Западной) Европы в то время *не было*.

Примечательно, что в 1-й редакции повести фигурирует лишь одно женское польское имя *Юзыся* — ласкательное от Юзефы (этот женский вариант имени Иосиф — др.-евр. «приумножение, прибыль» — здесь, видимо, сохранил и библейскую коннотацию «прекрасная»). Однако в повести нет ни одного мужского польского имени, кроме вышеупомянутых исторических. Зато есть имена библейские (правда, в их современном виде), принадлежащие евреям. Имя *Янкеля*, который помогает Бульбе во всем, восходит к *Иакову* — третьему библейскому патриарху, младшему из сыновей-близнецов патриарха Исаака, — и означает «следующий по пятам»: он вышел из чрева, ухватившись за пята старшего брата Исава (Быт. 25:26), а потом хитростью, вместо брата, получил благословение на первородство от старого слепого отца и, после многих перипетий, стал родоначальником народа Израиля. Однажды ему явился Бог, с ним Иаков боролся до рассвета, требуя благословить, и в схватке повредил себе бедро, но Яхве остался им доволен, благословил и нарек Израилем (др.-евр. «имеющий власть над силами») — с напутствием: «...ты боролся с Богом, и человек одолевает будущее» (Быт. 32:27, 28).

Имя хитроумного *Мордохая* (*Мардохея*) упоминается в ветхозаветной Книге Есфирь, где описано, как, благодаря ему

и его племяннице Есфири, иудеи, рассеянные в Персии под владычеством царя Артаксеркса (вероятно, Ксеркса I в V в. до н. э.), были спасены от гибели и отомстили врагам; память об этом сохранена в празднике Пурим (др.-евр. «жребий»).

Имя *Шлёма* (*Шлойме*) — уменьшительное от Соломон (др.-евр. «мирный»), ставшее нарицательным для мудреца-философа. Его носил легендарный царь Израильско-Иудейского царства (X в. до н. э.), сын царя Давида, автор библейских книг «Песнь Песней», «Экклезиаст», «Притчи».

Имя *Шмуль* — уменьшительное от Самуил (Semuel — др.-евр. «услышанный Богом» или «имя Божие») — это имя одного из пророков, последнего судии Израиля. Героизация этих персонажей призвана подчеркнуть деградацию польского общества, его меркантильность и бесчестие, но в то же время показывает измелъчание самих евреев, лишенных своей земли.

И наоборот, как показано в повести «Старосветские помещики», утратив своих хозяев, земля вырождается, дичает. Изначально героине предназначалось имя Настасия, и тогда «сами антропонимы — Афанасий (др.-греч. «бессмертный») и Анастасия (др.-греч. «воскресшая») — указывали бы на тему вечной любви и связанный с ней литературный сюжет <...> об утраченной возлюбленной и о чувстве, которое оказывается сильнее смерти» [8, 158]. Имя Афанасий носили многие видные духовные лица в России, вероятно, названные так в честь одного из отцов церкви Афанасия Великого (ок. 293–373), беспощадного врага ереси, «творца компромисса» между белым духовенством и монашеством. Это имя носил и дед Гоголя, сын священника, окончивший Киевскую духовную академию. В печатной редакции сочетание имен Афанасий и Пульхерия (др.-греч. «прекрасная») добавляет мотив исчезающей, увядающей «природной» красоты жизни. Причем «поэтические, идеализирующие имена» сопровождает простонародное, в то время *крестьянское* отчество супруги — Иванова (вместо Ивановна), фамилия Товстогуб и прозвище Товстогубиха (в черновике «Сырогубы»). Таким образом, «высокое и приземленное неразрывно связываются уже в самих прозваниях персонажей» [8, 158].

Это подтверждается уподоблением Товстогубов Филемону и Бавкиде — героям легенды, обработанной древнеримским поэтом Овидием (Метаморфозы, VIII, 610–715), о благочестивой чете стариков, которые радушно приютили Зевса и Гермеса, принявших вид утомленных путников. Когда боги наказали других, негостеприимных жителей и затопили всю местность, хижина Филемона и Бавкиды осталась цела и была превращена в храм. По желанию супругов боги сделали их жрецами храма и послали в конце жизни одновременную смерть: Филемон стал дубом, а Бавкида — липой, растущими из одного корня. В отличие от них, гоголевским героям Нового времени не дано уйти из жизни вместе, порознь же они будут страдать, пока их души не воссоединятся на небесах. Но после этого разрушается их жилище, и земля заболачивается, что предвещает болезни, разруху и гибель «земного града».

Система мужских и женских личных имен в каждой повести Гоголя отражает взгляды автора не только на характеры, типы и архетипы своих героев, на общество и эпоху, в которых они живут, но и на живую, отчетливую взаимо-связь их с библейскими временами, с античным, средневековым и предшествующим действию историческими периодами, с окружающей природой. Причем, называя персонаж тем или иным именем, автор учитывал фонетическую и семантическую структуру антропонима, его прямое и коннотативное значения (и противоречия между ними), его смысловые связи, распространенность, принадлежность определенному сословию и/или человеческому типу, предшествующему историческому или мифологическому герою, а также паронимические созвучия.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Творчество Н. В. Гоголя: диалог русской и украинской культур». № 14-04-00510а.
- ¹ Данная работа продолжает исследование системы личных имен в гоголевских произведениях (см.: [5]).
 - ² Миргородъ. Повѣсти, служащія продолженіемъ *Вечеровъ на хуторъ близь Диканьки* / [Соч.] Н. Гоголя. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Департамента внѣшней торговли, 1835. 224 с. + 215 с.
 - ³ Даль Вл. Толковый словарь живаго великорускаго языка: в 4 т. Спб.; М.: Изданіе книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. Т. I. С. 447.

- ⁴ Августин Блаженный. О граде Божьем. Кн. 14. Гл. 28 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/14 (20.12.2015).
- ⁵ Гоголь Н. В. Имена, даемые при крещении // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.] [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1952. Т. IX. Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки. С. 513. URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps9/ps9-513-.htm>.
- ⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. II. С. 223. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁷ Ср.: изображение растущего под землей мертвеца в повести «Страшная месть» (1832). Это сопоставление очевидно в канонической ред. «Вия» (1842).
- ⁸ Даль Вл. Толковый словарь... Т. IV. С. 704.
- ⁹ Там же. С. 557.
- ¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. Т. I. С. 240. Именно семы «круглый, плотный, земляной-земной» обусловили перенос наименования *бульба* с земляной груши (*Helianthus tuberosus*) на картофель.
- ¹¹ Брокгаузъ Ф. А., Ефронъ И. А. Энциклопедический словарь: [в 86 т.] Т. XV. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1895. С. 155.

Список литературы

1. Бочаров С. Г. «Красавица мира». Женская красота у Гоголя // Гоголь как явление мировой литературы: по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — С. 15–35.
2. Виноградов И. А. Комментарий // Н. В. Гоголь. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-лит. и текстологический коммент. / изд. подг. И. А. Виноградов. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — С. 385–656.
3. Виноградов И. А. Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студії / Гоголеведческие штудии. — Ніжин, 2000. — Вып. 5. — С. 84–108.
4. Гура А. В. Еще о некоторых параллелях к гоголевскому «Вию» // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. — М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2012. — С. 133–142.
5. Денисов В. Д. Гоголевский христианский именовослов: о форме и семантике личных имен в ранней прозе писателя // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. — Вып. 12: Евангельский текст в русской литературе XII—XXI веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 9. — С. 220–232.
6. Денисов В. Д. Историческая проза Гоголя // Гоголь Н. В. Миргород. — СПб.: Наука, 2013. — С. 251–411.

7. Звиняцковский В. Я. Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII — первой трети XIX века и документированной истории Украины. Статья 2. Исторические реалии в «Вие» // Феномен Гоголя: материалы Юбилейной междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. — СПб.: Петрополис, 2011. — С. 166–178.
8. Карпов А. А. «Афанасий и Пульхерия» — повесть о любви и смерти // Феномен Гоголя: материалы Юбилейной междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. — СПб.: Петрополис, 2011. — С. 151–165.

Vladimir D. Denisov

*The Russian State Hydrometeorological University
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

vladddenisoff@mail.ru

LIST OF NAMES BY GOGOL: ABOUT THE FORM AND SEMANTICS OF PERSONAL NAMES IN HIS SHORT STORY COLLECTION “MIRGOROD”

Abstract. The article presents the characteristics of personal names from four Gogol's stories of the series “Mirgorod” (1835). It is based on the interpretation of common Slavic Christian names in their Ukrainian and Russian versions according to the word books and a list of “names given at the time of baptism” contained in the “Book of sundries” by young Gogol. The research leads to the conclusion that a system of male and female names in each story reflects the views of the author on the nature and types of his heroes, on their society and era, as well as on their relationship with biblical, ancient and medieval times, with nature around them. Giving a name to his character, the author took into account the phonetic and semantic structure of the anthroponym, its direct and connotative meanings (as well as contradictions between them), its semantic type, popularity, belonging to a specific social category and/or a personality type, a historical or mythological character.

Keywords: Gogol, “Mirgorod”, Christian list of names, anthroponymy

References

1. Bocharov S. G. “A Beauty of the World”. Female Beauty by Gogol. In: *Gogol' kak yavlenie mirovoy literatury: po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu so dnya smerti N. V. Gogolya* [Gogol as a World Literature Phenomenon: Based on the Proceedings of the International Scientific Conference on the 150th Anniversary of the Death of N. V. Gogol]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature Publ., 2003, pp. 15–35. (In Russ.)

2. Vinogradov I. A. Commentary. In: *N. V. Gogol'. Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennyye izdaniya. Istoriko-literaturnyy i tekstologicheskiy kommentariy* [Nikolai Gogol. Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical and Literary and Textual Commentaries]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature Publ., 2009, pp. 385–656. (In Russ.)
3. Vinogradov I. A. The Story of Nikolai Gogol “Viy”: On the History of Conception and Its Interpretation. In: *Gogolevedcheskie studii [Gogol Studies]*. Nezhin, 2000, issue 5, pp. 84–108. (In Russ.)
4. Gura A. V. Some More About the Parallels to Gogol’s “Viy”. In: *Gogol' i traditsionnaya slavyanskaya kul'tura. Dvenadtsatye Gogolevskie chteniya: sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Gogol and Traditional Slavic Culture. The Twelfth Gogol Readings: Collected Articles Based on Proceedings of the International Scientific Conference]*. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskiy Izdatel'skiy Dom Publ., 2012, pp. 133–142. (In Russ.)
5. Denisov V. D. Gogolian Imenoslov: About the Form and Semantics of Personal Names in the Early Prose. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2014. Vol. 12: The Gospel Text in Russian Literature of the 12th–21th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre. Issue 9, pp. 220–232. (In Russ.)
6. Denisov V. D. Historical Prose of Gogol. In: *Gogol' N. V. Mirgorod [Gogol N. V. Mirgorod]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, pp. 251–411. (In Russ.)
7. Zvinyatskovskiy V. Ya. A Historical Core of “Mirgorod” in Relation to the Artistic and Mythological Principles of the 18th and the First Third of the 19th Centuries and Documented History of the Ukraine. In: *Fenomen Gogolya: materialy Yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya rozhdeniya N. V. Gogolya [The Phenomenon of Gogol: Proceedings of the International Scientific Conference on the 200th Anniversary of the Birth of N. V. Gogol]*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2011, pp. 166–178. (In Russ.)
8. Karpov A. A. “Athanasius and Pulcheria”, a Story of Love and Death. In: *Fenomen Gogolya: materialy Yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya rozhdeniya N. V. Gogolya [The Phenomenon of Gogol: Materials of the International Scientific Conference on the 200th Anniversary of the Birth of N. V. Gogol]*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2011, pp. 151–165. (In Russ.)